В123248

ЛЕЙБЪ-КАЗАКИ

на берегахъ р. Нѣмана,

въ 1812 году.

В. М. Шаховскаго.

Изд. Ред. журн. „Чтеніе для Солдатъ“.
1900.

Генералъ-Адъютантъ

Графъ Орловъ-Денисовъ.

В 123 248

ЛЕЙБЪ-КАЗАКИ

на берегахъ р. Нѣмана,

въ 1812 году.

В. М. Шаховскаго.

Изд. Ред. журн. „Чтеніе для Солдатъ“.
1900.

324/1

2 экз.

Дозволено цензурою. Спб., 4 Марта 1900 г.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.

ЛЕИБЪ-КАЗАКИ

на берегахъ рѣки Нѣмана

въ 1812 году *).

„Всколыхнулся, взволновался,
православный тихій Донъ“.

Глава I.

Государственная публичная историческая библиотека РСФСР
Шифр | Инвентарный №
138
53

Императрицы
ранціи про-
орядки, гро-
Безбожные

отрывки изъ
ъ издать подъ
артомъ“.
разсказовъ по-
науки, съ бое-
исторической-
кромный трудъ
на“: укрѣпитъ
одину держать
жали его слав-
одвигами гром-
кую изв
идаемые лавры
русскому оружію.

Имѣется въ продажѣ (Петербургъ, Колокольная № 14 складъ

Дозволено цензурою. Спб., 4 Марта 1900 г.

138

53

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.

ЛЕИБЪ-КАЗАКИ

на берегахъ рѣки Нѣмана

въ 1812 году *).

„Всколыхнулся, взволновался,
православный тихій Донъ“.

2669

Глава I.

Ъ концѣ царствованія Императрицы Екатерины Великой, во Франціи происходили страшные безпорядки, грозившіе гибелью всѣмъ государствамъ Европы. Безбожные

*) Помѣщаемыя здѣсь главы представляютъ отрывки изъ большаго труда, который составитель предполагаетъ издать подъ заглавіемъ: „Герои Тихаго Дона въ борьбѣ съ Бонапартомъ“.

Задача составителя—въ формѣ общедоступныхъ разсказовъ познакомить юныхъ донцовъ, не изучавшихъ военныя науки, съ боевой дѣятельностью ихъ предковъ, во время великой исторической борьбы съ Бонапартомъ. Составитель надѣется, что скромный трудъ его принесетъ нѣкоторую пользу сынамъ „Тихаго Дона“: укрѣпитъ въ нихъ славныя традиціи и заставитъ въ тяжкую годину держать боевое знамя своего войска такъ же высоко, какъ держали его славные, отважные предки, составившіе себѣ боевыми подвигами громкую извѣстность во всей Европѣ и стяжавшіе неувядаемые лавры русскому оружію.

Имѣется въ продажѣ (Петербургъ, Колокольная № 14 складъ

французы казнили своего короля и начали губить и рѣзать другъ друга. Цѣлыя тысячи народа гибли иногда совершенно безвинно. Въ это время у нихъ быстро выдвинулся, изъ простыхъ артиллерійскихъ офицеровъ, благодаря своимъ военнымъ дарованіямъ, уроженецъ острова Корсики, Наполеонъ Бонапартъ, подъ предводительствомъ котораго они стали завоевывать сосѣднія государства и вводить въ нихъ свое безобразное управленіе.

Наполеонъ такъ ловко и хитро повелъ свои дѣла, что въ 1802 году взялъ власть въ свои руки, а чрезъ два года французы провозгласили его своимъ Императоромъ. Водворивъ во Франціи порядокъ, онъ, увлекаемый страстями и ненасытнымъ властолюбіемъ, устремился къ преобладанію въ Европѣ. Въ 1809 году, онъ уже самовластно распоряжался во всѣхъ государствахъ, кромѣ Россіи, Англіи, Швеціи и Испаніи; лишилъ престоловъ нѣкоторыхъ государей и отдалъ владѣнія ихъ своимъ братьямъ и генераламъ, или-же присоединилъ къ Франціи. Съ конца этого года, у него начались съ Императоромъ Александромъ Павловичемъ несогласія, которыя и привели къ явному разрыву. Да иначе и не могло быть; нашъ Государь не могъ подчинить своей Державы такой зависимости отъ Наполеона, какой подчинены были почти всѣ государства Европы, а Наполеонъ хотѣлъ властвовать одинъ.

Съ 1810 года Россія и Франція начали готовиться къ великой исторической борьбѣ.

Къ Іюню 1812 года, Наполеонъ уже успѣлъ сосредо-

В. А. Березовскаго) того же автора: „Задунайскіе Запорожцы“ ц. 15 к. Того же автора отрывокъ „Лейбъ-казаки подъ Витебскомъ 15-го іюля 1812 года“, помѣщенъ въ „Историческомъ вѣстникѣ“ въ ноябрьской книгѣ за прошлый годъ.

точить на границѣ Литвы больше 600 тысячъ войска изъ разныхъ покоренныхъ имъ народовъ. Къ этому времени, въ нашей арміи числилось 480 тыс. при 1600 орудіяхъ. Изъ этого числа, только около 200 т. могло быть выставлено противъ Наполеона на западной границѣ. Эти силы, раздѣленныя на три арміи, были раскинуты, къ югу отъ г. Россіенъ, на протяженіи 500 верстъ.

Положеніе наше было крайне затруднительное. Нельзя было и думать о сосредоточеніи силъ для отпора противнику, собиравшемуся вторгнуться въ предѣлы Россіи. Одно только чудо могло спасти наше Отечество; и это чудо, дѣйствительно, совершилось.

Глава II.

Мертвая тишина стоитъ на правомъ лѣсистомъ берегу Нѣмана, вдоль котораго расположена рѣдкая сторожевая цѣпь Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка. Ни птицы, ни насѣкомыя не нарушаютъ ее.... Только и слышна изрѣдка протяжная заунывная казачья пѣсня:

«Душа, добрый конь!
Эхъ, и душа до—доб—рый конь!»...

Это и не пѣсня даже, а плачъ какой-то.... Это рыданья, берущія за душу, вызывающія слезы... Самому черствому, загрубѣлому человѣку не вынести этого напѣва... Клубкомъ къ горлу подступаетъ и душитъ что-то...

На небольшомъ возвышеніи, подъ деревомъ, полулежитъ длиннобородый, сѣдовласый старый казакъ. Открытое добродушное лицо его, съ ясными голубыми глазами, нѣсколько изуродовано двумя поперечными на лбу шрамами. Въ грустномъ раздумьи напѣваетъ онъ про себя любимую пѣ-

сенку, обращаясь въ ней къ своему другу неразлучному, меренку-товарищу, и зорко смотритъ на Нѣманъ и на лѣвый берегъ его. Вспоминаетъ онъ свою старуху-жинку, съ которой прожилъ душа-въ-душу больше тридцати лѣтъ, и двухъ внуковъ-сиротъ, оставшихся отъ единственнаго сына, убитаго подъ Аустерлицемъ. Вспоминаетъ онъ свою молодость, свой первый походъ, подъ командой полковника Луковкина, противъ Пугача.... Вспоминаетъ походы съ Суворовымъ противъ ляховъ и турокъ,—походъ въ отрядѣ Платова въ 1807 году... Помнитъ хорошо замиреніе съ Наполеономъ въ Тильзитѣ...

Кончилась война.... Больно обидно было, что не пришлось, какъ слѣдуетъ-быть, отплатить французамъ за смерть сына...

За болѣзнью и ранами, онъ получилъ чистую отставку и вернулся на берега Дона, къ старухѣ-жинкѣ, въ свой родной хуторъ. Мирно провелъ старикъ четыре съ лишнимъ года: занимался усердно хозяйствомъ, насаживалъ садъ, возился на пасѣкѣ съ пчелкой, ловилъ въ Дону рыбу, выѣзживалъ въ станичномъ косякѣ лошадокъ и училъ своихъ двухъ ненаглядныхъ внуковъ верховой ѣздѣ и обращенію съ оружіемъ—готовилъ ихъ къ бранному дѣлу.... Но вотъ, наступилъ грозный, незабвенный «Двѣнадцатый годъ»—годъ нашествія на Святую Русь «двунадесяти языковъ» Наполеона!...

«Всколыхнулся, взволновался православный тихій Донъ». И старики и малолѣтки просились въ дѣйствующіе полки *).

---

*) Атаманъ Платовъ послалъ на Донъ воззваніе въ концѣ іюля и повелѣніе И. д. Атамана Адріану Карповичу Денисову, набирать ополченіе, но еще задолго до сего приступлено было къ формиро-

Одна мысль, что врагъ можетъ дойти и до береговъ «Тихаго Дона», разорить край, осквернить родную землю; станицы, хутора,—приводила въ содроганіе все населеніе войска и заставила энергично готовиться къ оборонѣ.

«Скорѣй умремъ, чѣмъ выдадимъ Матушку Россію и нашъ «Тихій Донъ» на поруганіе французамъ!» говорили повсюду донцы.

Громадныя пожертвованія деньгами и вещами стекались со всѣхъ сторонъ. Вездѣ кипѣла лихорадочная дѣятельность: старики и юноши готовились къ трудному походу... Всѣ сердечно желали сразиться съ врагомъ родной земли....

И нашъ герой поднялся однимъ изъ первыхъ. При содѣйствіи своего бывшаго командира, Гавріила Амвросіевича Луковкина, онъ былъ зачисленъ въ Л.-Гв. Казачій полкъ и отправленъ въ первыхъ числахъ января съ добавочной командой въ Петербургъ. Команда эта шла очень быстро, дѣлая иногда по шестидесяти и болѣе верстъ въ сутки. Она прибыла въ столицу за нѣсколько дней до Высочайшаго смотра, произведеннаго Императоромъ Александромъ Павловичемъ, 16-го Марта, всѣмъ, выступавшимъ въ походъ, полкамъ Гвардіи.

Послѣ смотра, Л. Гв. Казачій полкъ, подъ начальствомъ своего командира, Генералъ-Адъютанта графа Орлова-Денисова, двинулся къ западной границѣ.

Полкъ прибылъ въ Вильну около половины Апрѣля и поступилъ въ авангардъ князя Шаховскаго. Немедленно

ванію полковъ; еще до перехода Наполеона чрезъ Нѣманъ—весной Донцы волновались и просились въ дѣйствующіе полки. Еще въ январѣ и февралѣ безпрестанно отправлялись изъ главныхъ станицъ команды на пополненіе. (Изъ записокъ Г. А. Луковкина).

графъ Орловъ-Денисовъ получилъ приказаніе выдвинуть отдѣльныя партіи къ берегамъ Нѣмана.

Такъ прошли Апрѣль и Май мѣсяцы 1812 года. Наступилъ Іюнь и слухи, одни другихъ тревожнѣе, стали ходить на передовыхъ постахъ.

***

Герой нашъ, ставъ на постъ около 8 часовъ вечера 11-го Іюня, разнуздалъ своего друга—коня, привязалъ его къ дереву, подложилъ сѣнца, разостлалъ на бугоркѣ бурку, прилегъ на ней и затянулъ любимую пѣсенку Вдругъ до слуха его долетѣли странные звуки: скрипъ, и говоръ... Встревоженный этимъ, казакъ поднялся и сталъ съ напряженнымъ вниманіемъ всматриваться въ непріятельскій берегъ.... Шумъ усилился.... Старикъ вложилъ два пальца въ ротъ и рѣзко свистнулъ.... Изъ заднихъ кустовъ вышелъ громаднаго роста, юный, бѣлокурый, безусый, писанный красавецъ, казакъ, державшій въ поводу лошадь.

— А, ну-ка, погляди, сынокъ, — обратился старикъ къ нему, — да прислушайся хорошенько.... У тебя глаза и уши помоложе моихъ.... Мнѣ послышалось, кубыть, на таей сторонѣ гомонятъ и скрипитъ чтой-сь-то.....

Казакъ привязалъ къ дереву своего коня, поднялся на пригорокъ и сталъ прислушиваться и всматриваться...

— Нѣ...ни чуть, дѣдушка, Иванъ Тарасьевичъ,—сказалъ онъ черезъ минуту.—Я ничего не примѣчаю и не слышу... Совсѣмъ тихо... и не видать ничего, акромя огоньковъ насупротивъ, идѣ хуторъ... Такъ должно... пріѣхали подводы какія со степи... Таперича въ етихъ мѣстахъ, должно, еще и сѣнокосомъ займаются...

Шумъ, дѣйствительно, затихъ въ это время на лѣвомъ берегу.

— А, пожалуй, что и такъ,—сказалъ успокоившійся старикъ и, покряхтывая, опустился опять на бурку.—Должно

померещилось мнѣ... Старъ сталъ,—вотъ и шумитъ иной разъ въ ушахъ... А може... и отъ контузіи ето... Я было такъ

и до разу подумалъ... Ну, опосля, покажись мнѣ, кубыть, и кричатъ тамъ; я и вызвалъ тебя... Хотя покеля о войнѣ объявленіевъ и не было, ну а все-же, думаю, что надо быть на сторожкѣ съ етимъ человѣкомъ... держать ухо востро съ нимъ надо... Отъ Палевонтія всего жди: потому, хитеръ онъ больно, бестія... да и душа у его разбойничья... Да, ты присядь, сынокъ,—сказалъ ласково старикъ, доставая изъ кармана своихъ широченныхъ шароваръ кисетъ и трубку:—присядь... побалакаемъ...

— А, какъ, дѣдушка, етотъ хуторъ прозывается, что насупротивъ насъ?—спросилъ казачекъ, опускаясь на бурку подлѣ старика.

— Хуторъ!...—сказалъ старикъ, посмѣиваясь, и высѣкая огонь. — Хуторъ! Эхъ ты!... По нашему—хуторъ, а по здѣшнему—мѣстечкомъ, али фельваркомъ прозывается.. Вотъ какъ!... Это—Понѣмунь...

— Фельваркомъ? Ишь ты какъ!... Хитрое названіе... На тощахъ и не выговоришь... А что, дѣдушка, правду, аль нѣтъ, сказываютъ станичники, что тутъ недалече и до города... Аграмадный, сказываютъ!... Больше нашего Черкаскова. И усе тамъ сказываютъ, есть: и баранки, и сало, и рожки, и тютюнъ, и...

— Недалече, другъ, недалече... Версты, такъ, три будетъ до его... Ковной называется... Есть тамъ и сало и баранки...

— Въ енту, аль въ тою сторону?—перебилъ казачекъ. указывая рукой вправо.

— Нѣ... нѣ... Въ енту... внизъ по рѣкѣ... Тамъ тоже наши-же стоятъ... кажись, корнетъ Левоновъ тамъ...

— Вѣдь, подижъ ты, какое счастье людямъ!... И баранки, и усе тамъ есть!—сказалъ, вздохнувъ, каза-

чекъ. Не то, что у насъ... Куска хорошаго хлѣба не достанешь въ етой деревушкѣ... одна только маца жидовская... А что, дѣдушка, не слыхали вы, что сказывалъ учера въ Жижморахъ жидъ-шинкарь?...

— Нѣтъ! А что? Не слыхалъ я ничего... А что такое?

— Да, кубыть, онъ не настоящій царь... Сваво настоящаго-то хранцузы, сказываетъ жидъ, прирѣзали...

— Вѣрно онъ говоритъ..Только ето сколько годовъ назадъ было... Еще тады Матушка Екатерина царствовала...Кажись, что у послѣдній годъ ея жизни... Годовъ шестнадцать съ таей поры прошло... Да-да..точно, что они прирѣзали свово короля.. Извѣстно, нехристи... басурманы безбожные... Ну и пошла же опосля того писать у нихъ... Такую кашу заварили, что ужъ и не рады были... Почали губить, да рѣзать другъ друга. Такъ по нѣсколько тысчей и гибло до-разу кажинный день... Покаралъ ихъ Господь за убивство Сваво помазанника... Ну, вотъ, тады и поняли они, что безъ Царя никакъ невозможно имъ быть-то...

— Извѣстно,—сказалъ казачекъ,—идѣ-же безъ царя! Какъ возможно безъ царя быть?... Какой могётъ быть безъ его порядокъ?.. Безъ главы никакъ невозможно... Вонъ даже, ужъ на-что, птица—глупая, а и та понимаетъ ето.. Сколько разовъ я примѣчалъ... У прошедшемъ году мнѣ довелось убить у журавлей ихъ старшаго... вожатаго, значитъ, что у переди лятитъ... Батюшки мои, что тутъ приключилось такое!... Сбились усѣ до-кучи и почали кричать, да драться... Бились-бились, покеля, должно, не выбрали новаго атамана... Ну, тады опять вытянулись въ двѣ шеренги и полетѣли за нимъ...

— Во-во-во!—воскликнулъ старикъ—вѣрно, сынокъ, вѣрно... Вѣрно, ты сказываешь... Умно, умно!... Вишь

ты какой у меня... Молодецъ, ты, Болдыревъ... молодецъ... Безъ царя никакъ невозможно!... Ето точно... Вотъ ето и хранцузы смекнули, значитъ, да и выбрали себѣ Палевонтія, потому—вояка онъ большой... Много земель покорилъ! Перво-на-перво они сдѣлали ево только старшимъ надъ собой... Ну, а какъ прибралъ онъ ихъ къ рукамъ, согнулъ въ бараній рогъ... они ево и того... въ аншираторы, значитъ...

— А, жидъ сказывалъ,—перебилъ казачекъ,—кубыть онъ и не хранцузъ даже, а вродѣ тальянца... И сказываетъ, что проживалъ онъ упередъ на островкѣ на кіянѣ-морѣ... кады еще махонькимъ парнёнкомъ былъ...

— Ето тоже вѣрно... Точно, что онъ проживалъ на островѣ среди Середиземельнаго кіяна-моря. Косерика, кажись, островъ прозывается...

— Ишь ты, какое чудное прозвище... Ко... серика... Право, чудное... А «крупа» сказывала, что онъ даже и не человѣкъ, а фіопъ какой-сь-то... Такъ уродѣ фараонтія...

— Какъ не человѣкъ?... Какой такой фіопъ да фараонъ?... Что мелютъ-то дурни...

— Да не то, сказываютъ, человѣкъ, не то—рыба... До пояса, значитъ, на человѣка похожъ малость, только рыло фіопское... фараонское..., а тамъ у ево, словно, рыбій хвостъ... и весь въ чешуѣ...

— Ну, ужъ ето они брешутъ... Не вѣрь, братуша... Человѣкъ онъ, какъ есть настоящій... Только одно то, что дюже ужъ махонькій... Это точно... А то все врутъ и про хвостъ, и про рыло... Самъ я видалъ его, кады замиреніе было съ нимъ у Тильзитѣ... Человѣкъ онъ, какъ и слѣдуетъ быть... А только вотъ, что человѣкъ-то онъ не добрый... Вотъ что!...

— Сказываютъ еще, что онъ и есть самый Антихристъ?

— Ну и ето врутъ тоже!... Не вѣрь!

— Да я и не вѣрю, дѣдушка...

— Ну, вотъ, молодчикъ ты у меня... А только я тебѣ говорю, что человѣкъ онъ не добрый: злой и жадный... Мало, вишь, ему того, что изъ грязи вышелъ въ анпираторы... Захотѣлось быть первымъ человѣкомъ на усей землѣ... Вотъ, и повелъ онъ своихъ хранцузовъ... «Пойдемте», говоритъ, «завоюемъ весь свѣтъ!» Ну, и пошли, окаянные нехристи... Многихъ побилъ, поотнималъ царства и роздалъ своимъ братьямъ, да генераламъ... Захотѣлось тады, вишь, ему и Россеей завладѣть... «Завладѣю», думаетъ, «Россеей, тады, усѣмъ будетъ крышка... усѣмъ міромъ буду одинъ заправлять». Мнѣ умнѣющій человѣкъ про это сказывалъ: батюшка нашъ черкасскій, отецъ Василій... Усѣхъ почти, говоритъ, онъ покорилъ, въ бараній рогъ согнулъ: и тальянцевъ, и австріяковъ, и нѣмцевъ, и прочихъ... А только не захотѣли передъ нимъ, значитъ, смириться: гишпанцы, шведъ, аглицкій король, да Нашъ Царь Батюшка... А то усѣ до-чиста таперича по его дудкѣ пляшутъ. Вотъ, онъ ихъ-то теперь и привелъ супротивъ насъ... Имъ, може, и не хотится идтить на Россею, а ничего не подѣлаешь: гонитъ... окаянный... «Пляши враже, якъ панъ каже», сказываютъ хохляки...

— Ну, а тѣ, дѣдушка, значитъ, тоже силу чувствуютъ за собою, что не хотятъ смириться передъ нимъ: гишпанцы, шведъ и аглицкій король-то?

— Какая тамъ сила!... Однимъ щелчкомъ Палевонтій ухлопалъ-бы ихъ усѣхъ троихъ до-разу, если-бъ не нашъ

Батюшка-Царь... Они только за Рассею и держутся... А то давя-бы имъ крышка была... Идѣ имъ, голоштанникамъ, супротивъ его безъ насъ идти?.. Войсковъ у нихъ совсѣмъ мало, да и тѣ, что есть, ни къ черту не годятся... Вонъ, въ Гишпаніи, сказывалъ отецъ Василій ужъ и не солдатишки дерутся съ имъ, а мужики... Вооружились, кто чѣмъ могъ... Кто съ топоромъ, кто съ косой, кто съ вилой-тройчаткой. Тоже и шведъ... Ну, что онъ могётъ супротивъ Палевонтія?... Онъ еще съ таей поры, кады нашъ Царь Петръ Алексѣевичъ задалъ ему трепку у Полтавы, не могётъ оправиться... Идѣ-же ему?... Ну, а у аглицкаго короля и вовсе ничего нѣтъ, акромя деньги, да шкорлупокъ, что по кіану-морю плаваютъ... Что-жъ онъ могетъ?... Купецъ онъ, а не воинъ!... Набилъ мошну, да объ ей только и тревожится, а чести-то у его воинской нѣтъ... ни-ни... ни на грошъ!... Онъ и таперича-то войсковъ у подмогу не даетъ почти, а только деньгой способствуетъ... да усѣхъ подбиваетъ, да натравливаетъ... А самъ у сторонкѣ держится... свою шкуру бережетъ... Ой-ой... какъ бережетъ.

— А и зачѣмъ же, дѣдушка, намъ-то за нихъ идтить? Намъ-то, что до нихъ? Ну, и пускай-бы ихъ Палевонтій расколошматилъ...

— Во-во... Ето самое и я спрошалъ у отца Василія... Никакъ, говоритъ, невозможно ихъ однихъ оставить: больно усилится тады Палевонтій и ужъ намъ, опосля ихъ покоренія, куда труднѣй съ Имъ будетъ справиться... Онъ потому и ведетъ таперича усѣхъ на насъ, что мы мѣшаемъ ему согнуть въ бараній рогъ шведа, Гишпанію и аглицкаго купца... Перво-на-перво, съ нами думаетъ управиться... Онъ, вишь ты, думалъ было насъ такъ, по-ма-

леньку, прибрать къ рукамъ, опосля замиренія у Тильзитѣ... Думалъ, что нашъ Батюшка усе будетъ дѣлать, какъ ему хотится... Ну, одначе, не на таковскаго напалъ... Нашла коса на камень... Нашъ никакъ не могъ покориться, какъ усѣ другіе и сполнять его волю... Вотъ, какъ смекнулъ онъ ето-самое... Палевонтій то, что не хотитъ Нашъ Царь ублажать, онъ и почалъ все супротивъ дѣлать... А тамъ и пошло и пошло... Дальше, да больше... да вотъ и дошло до того, что не сегодня-завтра съ имъ сцѣпимся... Ну, да никакъ и невозможно было ему уступить, хоть у насъ и войсковъ куды меньше... Больно ужъ онъ носъ задралъ и сталъ во всемъ перечить... Ляховъ усилилъ... Потомъ, сказывалъ отецъ Василій, отнялъ родовыя земли у сродственника нашего Анпиратора... у Дядюшки... Ну, апосля сталъ привязываться, чтобы мы, значитъ, совсѣмъ не пріймали аглицкихъ купецкихъ кораблей, гишпанскихъ и шведскихъ... Все думалъ етимъ самымъ агличанъ смирить... Ну, опять-же ето никакъ невозможно было, потому безъ торговли и нашимъ никакъ нельзя быть... Безъ ея совсѣмъ бѣды: обнищаемъ... Вотъ оно и пошло... и пошло... Сталъ Палевонтій серчать все болѣ, да болѣ... А, ужъ какъ прислали ему «кавунъ», ну тутъ ужъ онъ того... совсѣмъ обозлился... Прямо таки освирѣпѣлъ... Узялъ, да со злости и окрутился съ австріячкой... съ дочкой австріяцкова короля... Тотъ до смерти былъ радъ такому зятю...

— Какъ, дѣдушка, «кавунъ» прислали?... Откедова? Кто прислалъ?

— А нашъ Батюшка Царь...

— Да что-жъ онъ сватался что-ль за кого?

— А какже!... Отецъ Василій сказывалъ, что онъ

оттедова у Питеръ сватовъ присылалъ... Но ему носъ доразу натянули...

— Кого-жъ онъ сваталъ?

— А нашу какуй-сь-то Великую Княжну... Какже..

— Да что вы, дѣдушка!..

— Ей-ей!.. Отецъ Василій сказывалъ...

— Етакій-то соплякъ съ фіопскимъ фаравонскимъ рыломъ, да еще и съ рыбьимъ хвостомъ... да задумалъ на Рассейской Княжнѣ Великой жениться!.. Ахъ онъ... Ну, попадись онъ мнѣ только! Я ему усѣ ребра переломаю за это... Етакой-то паршакъ... тальянецъ тамъ какой-то... на кіянѣ-морѣ сидѣлъ... и, вѣдь, поди-жъ ты, до какой смѣлости дошелъ: Великую Княжну Россейскую задумалъ въ жены узять!. Вѣдь, поди-жъ ты!..

— Да... вотъ и поди-жъ ты съ нимъ... А почему задумалъ онъ это самое?.. Потому сила у его ограмадная. Вотъ онъ и зазнался! Думалъ, что онъ ровней сталъ природнымъ царямъ... Царямъ отъ Бога-то!.. Ну ему нашъ Батюшка носъ и утеръ до разу...

— Да вотъ и жидъ-шинкарь сказывалъ, что силища у ево ограмадная... Видимо-невидимо... Трудно, чай, дѣдушка, будетъ намъ съ нимъ воевать-то? А?

— Трудно̀ то-трудно̀... что и говорить... Ето точно... Не легко... Учёра я усё прислушивался, какъ нашъ графъ съ господами офицерами говорилъ... Много, говоритъ у ево... Пожалуй, что по-болѣ шасти сотъ тысящъ усякова войска. А у насъ тутотка не болѣ двухсотъ, да и тѣ растянумшись стоятъ на 500 верстъ, ажъ до самаго «Полѣсья». Бывалъ я и тамъ... Скверная сторона: лѣсъ да болото... Мошка, да комары смерть какъ допекаютъ... Да, не легко будетъ намъ... Что и говорить... Трудно̀... Ска-

зывалъ графъ, что только чудо могётъ спасти насъ... Господь Богъ, значитъ... Ето вѣрно... Главное то худо, говоритъ графъ, что наша сила подѣлилась на три части... на три арміи, значитъ... Трудно собрать ее; а у ево усѣ до кучки стоятъ... Ну, опять-же, еще и то худо, что не русскій заправляетъ нашей арміей, а нѣмецъ какой-то Барклаевъ-Дитолевъ... Довѣренности-то къ ему отъ войсковъ и нѣту-ти... Ну, да не бѣда: усе въ рукахъ Милосерднаго Создателя, а Онъ стоялъ всегда за праваго и вѣрующаго въ него, а не за нехристей и зачинателей... Мы не замали Палевонтія... Сидѣли себѣ смирно... Онъ самъ лѣзетъ на рожонъ, потому надѣется на свою силищу... А мы надѣемся только на одного Господа Бога... И—вѣрь, сынокъ, что Онъ, Милосердный, видитъ нашу правоту и не оставитъ насъ... Вѣрь, друже... Чудо и совершится во истину... Не покорить ему Святую Русь... Всѣ пойдемъ за нее, за Батюшку—Царя и за вѣру Православную... Я ужъ и внуковъ своихъ вызываю сюда... Послалъ учера имъ вѣсточку... Поручикъ Коньковъ, дай Богъ ему здоровья, написалъ имъ цидульку... Одна бѣдная старуха останется на хуторѣ... Вотъ, плакать-то будетъ! Жаль бѣдную... А нельзя!.. Надо усѣмъ идтить, чтобы спасти Рассею... Что дѣлать... Видно, Господь посылаетъ намъ испытаніе... Вынесемъ...все вынесемъ, потому—твердо вѣримъ въ Него... Накажетъ Онъ Палевонтія, смиритъ его ненасытную гордыню, отниметъ у ево власть и силу и отдастъ Хранцію законному родовому королю... Такъ сказывалъ отецъ Василій, и я вѣрю, что такъ и сбудется... Смиритъ Господь ево... Высоко и скоро ужъ больно поднялся онъ.... Ой, какъ высоко! Но за то и больно-же будетъ, кады оттеля вверхъ тормашки полетитъ. А что

свалится онъ, то это безпримѣнно... Знаешь, что во Святомъ Евангеліи сказано—а?

— Что, дѣдушка?

— «Ибо всѣ, взявшіе мечъ, мечемъ погибнутъ»... Вотъ что сказано... Погибнетъ и Палевонтій... Вѣрно тебѣ говорю. Сгибнетъ окаянный нехристь.

— Такъ-то-такъ, дѣдушка... А все-жъ, покеля-то онъ еще сгибнетъ, сколько нашихъ-то поляжетъ... Много, чай!..

— Да, извѣстно, что ужъ не безъ того... Не безъ того!..

— А страшно, дѣдушка, на войнѣ, чай—а?

— Чего-же страшнаго?

— А какъ убьютъ?

— Ну, такъ чтожъ за бѣда, если и убьютъ? Чего-же смерти-то бояться? Умирать же все ровно безпримѣнно надо... Такъ по мнѣ, куды лучше у сраженіи умереть, чѣмъ на лежанкѣ...

— А какъ-же это безъ исповѣди... безъ покаянія?

— Какую жъ тебѣ у битвѣ исповѣдь надо-ть? Рази не знаешь, что кто умретъ на полѣ брани—тотъ прямёхонько у Царствіе Небесное?.. Усѣ грѣхи тому до-разу простятся, хоть и не былъ на духу... Потому, за вѣру... Вотъ какъ... Бояться смерти, вишь, и нечего намъ... Мы — казаки, на то и родимся, чтобы служить вѣрой и правдой Царю и Отечеству и умирать, кады потребуется, за Нихъ, за вѣру Православную и за своихъ братьевъ... Рази тебѣ это бачка твой не сказывалъ?

— Да у меня, дѣдушка, бачки нѣтъ!—отвѣтилъ сквозь слезы казачекъ,—Никто мнѣ этого не сказывалъ...

— Какъ, бачки нѣтъ?

— Нѣту, дѣдушка... Я сирота круглая... Его убили

турки, кады я еще и на свѣтъ Божій не глядѣлъ... А мачка, какъ родила меня, такъ заразъ Богу душу и отдала... Одна бабка у меня... Ни братьевъ, ни сестренокъ... никого у меня нѣту-ти... Одинъ, какъ перстъ...

— Ахъ, ты бѣдняга, бѣдняга... Ну, такъ слушайже, что я тебѣ буду говорить... Я тебѣ таперича замѣсто отца буду... Запомни твердо, во первыхъ, вотъ-что: «Вѣрь твердо въ Бога и молись ему усердно; люби Батюшку-Царя и Мать Святую Русь, всегда думай о славѣ родного Дона, люби начальниковъ и товарищевъ, какъ своихъ ближающихъ сродственниковъ и памятуй святую присягу...Потомъ еще тебѣ скажу: запомни заповѣдь Господа Нашего Іисуса Христа: «Сія есть заповѣдь моя, да любите другъ друга, яко же возлюбихъ вы. Больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя». Дай Богъ всякому сподобиться этого счастья: положить свою душу за други своя. Дай Богъ и...

Въ это время вдали, въ сторонѣ непріятельской, что-то глухо и неясно застучало, точно что-то проѣхало по чему-то твердому, или что-то свалилось...

И старикъ Иванъ Тарасьевичъ и Болдыревъ въ недоумѣніи взглянули другъ на друга.

— Что это?—сказалъ послѣдній. —Илья пророкъ,може, колеса подмазываетъ?.. Туча огромадная съ таей стороны, кажись, надвигается... Быть грозѣ, должно.

Стукъ повторился гораздо явственнѣе. Иванъ Тарасьевичъ всталъ, оглянулся кругомъ, снялъ киверъ, перекрестился и сталъ пристально вглядываться вдаль. Болдыревъ тоже вскочилъ торопливо; красивое лицо его раскраснѣлось и оживилось. Онъ широко раскрытыми глазами смотрѣлъ въ непріятельскую сторону...

Стукъ еще болѣе усилился; послышался скрипъ обозовъ, топотъ копытъ, говоръ и крики.

Привязанные къ дереву дончуки тоже встревожились: они зафыркали, заворошились и навострили уши... И они почувствовали что-то недоброе, неладное, грозное...

— А сынокъ,—улыбаясь, сказалъ Иванъ Терентьевичъ. —Илья говоришь? Нѣтъ, братуша, не Илья ето, а Палевонтій— вотъ кто!.. Слышишь?—вдругъ вскрикнулъ онъ,— Слышишь? Вонъ, какъ гомонятъ!.. А, вонъ, гляди, кубыть и огни виднѣются!.. Слышишь, какъ скрыпитъ?

— А и въ самомъ дѣлѣ, дѣдушка, тамъ не ладно что-то... Должно ето онъ... Глядить!—вскрикнулъ Болдыревъ,—глядить!.. Вонъ, вонъ и огоньки заблистали!.. Вонъ-вонъ-вонъ!.. Глядить, глядить!.. Вонъ, что-сь-то и движется тамъ! Кубыть, лодки!..

Дѣйствительно, движеніе и шумъ въ это время на непріятельскомъ берегу усилились и, по гладкой поверхности Нѣмана, тихо плыли понтонныя суда и лодки... Зазвучали топоры; суда начали выравниваться; и казаки поняли въ чемъ дѣло: врагъ Россіи приступилъ къ переправѣ своихъ полчищъ на нашу родную землю... Насталъ, наконецъ, этотъ, роковой для русскаго сердца, часъ!..

— Скачи-же ты, сынокъ, швытче до штабъ-ротмистра Жмурина, — сказалъ Иванъ Терентьевичъ,—и доложь... Да по пути оповѣсти товарищевъ, чтобъ шли ко мнѣ на подмогу... Скорѣй, скорѣй!..

Болдыревъ подбѣжалъ къ дереву, гдѣ привязаны были кони и сталъ торопливо дрожащими руками отвязывать своего...

— Вотъ горе-то,—бормоталъ онъ:—никакъ не могу найтить, куда конецъ дѣлся... Эко, бѣда какая! Что за чертъ!..

— Да, что ты тамъ возжаешься?—крикнулъ старикъ. — Скорѣй надоть!.. Уже плывутъ съ таей стороны!.. Экой-же ты не расторопный!.. А я тебя еще хвалилъ! Грошъ тебѣ цѣна!.. Какой-же ты казакъ, кады отвязать коня даже не могёшь.

Растерявшійся казачекъ, наконецъ, кое-какъ отвязалъ своего меренка, вскочилъ на него и, нажаривая плетью, стремглавъ понесся по лѣсной тропинкѣ къ большой дорогѣ, чтобы о замѣченномъ движеніи въ непріятельской сторонѣ сообщить прежде всего главнымъ силамъ поста: унтеръ-офицеру Кулешову и казакамъ Маврину и Александрову.

Заслышавъ топотъ, казаки встрепенулись и бросились къ конямъ.

— Болдыревъ!—крикнулъ высокій черноволосый унтеръ-офицеръ:—куда тебя несетъ нелегкая?

— Къ штабъ-ротмистру! Скачить скорѣй на подмогу къ дѣдушкѣ Тарасову—французъ уже, кажись, плыве съ таей стороны!..

— Да ты не брешешь? Неужели?

— Ей-ей! Скорѣй!—отвѣтилъ Болдыревъ и поскакалъ по большой дорогѣ, идущей въ мѣстечко Жижморы, къ ближайшей корчмѣ, гдѣ стоялъ полуэскадронъ Жмурина.

Въ одинъ мигъ казаки очутились на своихъ меренкахъ и понеслись гуськомъ по лѣсной тропинкѣ къ Нѣману. Когда они доскакали до пригорка, гдѣ обыкновенно стоялъ часовой, старика Тарасова тамъ не оказалось.

— Вотъ такъ штука! — сказалъ унтеръ-офицеръ Кулешовъ. Конь тутъ, а его нѣтъ!.. Куда-жъ онъ дѣлся? Самъ-же послалъ за нами и не дождался...

— Не захватили-ли его французы!—перебилъ Мавринъ.

Въ этотъ моментъ раздался рѣзкій свистъ у Нѣмана.

— А! Вонъ онъ гдѣ!— сказалъ тихо Кулешовъ, слѣзая съ коня: «у самого берега въ кустахъ... Это его свистъ... Я знаю... Привязывай, ребятежь, коней, да и пойдемъ туда... Скорѣй,—скорѣй, ребятушки!

Раздалось еще два рѣзкихъ свиста, затѣмъ еще и еще...

— Ого-го! Должно, близко французы, что такъ рѣзко и часто свищетъ... Пойдемъ, братцы, скорѣй!.. Бѣгомъ!.

Не успѣли еще казаки добѣжать до тѣхъ кустовъ, откуда раздавались свистки, какъ оттуда-же послышался и выстрѣлъ...

— Зачѣмъ ты палишь, Иванъ Тарасьевичъ!—крикнулъ Кулешовъ. Чай помнишь, что начальство наказывало не замать французовъ? А ты...

— А что-жъ на нихъ смотрѣть, что-ли, на окаянныхъ? —отвѣтилъ изъ кустовъ старикъ.—Вотъ я ихъ заразъ еще угощу!.. Дай только зарядить! Постойте, идоловы морды!.. Я вамъ покажу!.. Уже двухъ до-разу ухлопалъ!..

— Да, вѣдь, не приказано-же стрѣлять!—крикнулъ Кулешовъ,—вѣдь знаешь-же?

— Знаю!—отвѣтилъ невозмутимо старикъ, забивая шомполомъ зарядъ. Оченно даже хорошо знаю... А только думаю такъ, что грѣха большого не будетъ, если я еще двухъ-трехъ басурманъ ухлопаю—а? Глядить сколько ихъ прямехонько сюда на меня плыветъ!.. Страсть сколько! Сила!.. Видимо-невидимо!.. Справиться съ ними намъ все одно не въ моготу, хотя бы и весь эскадронъ прибѣгъ на подмогу... Такъ, давайте, по-крайности, пока-что, покеля еще можно, хоть нѣсколькихъ у нихъ попятнаемъ... А коды они высадятся на берегъ,—мы на коней,—да и гайда до корчмы...

Приблизившись къ кустамъ, въ которыхъ сидѣлъ ста-

рикъ Тарасовъ, Кулешовъ, не смотря на темноту ночи, разсмотрѣлъ, что, дѣйствительно, отъ противоположнаго берега отдѣляется масса лодокъ, что онѣ наполнены народомъ, а нѣкоторыя изъ нихъ уже приближаются къ правому берегу... Ближе всѣхъ отъ казаковъ находился понтонъ съ нѣсколькими кавалеристами... За нимъ не далѣе какъ въ 50-ти шагахъ и нѣсколько лѣвѣй плыли, ровняясь, шесть лодокъ, наполненныхъ пѣхотой... Гребцы работали дружно...

Начальникомъ поста овладѣлъ военный азартъ, когда онъ увидѣлъ непріятеля въ такомъ близкомъ разстояніи.

— Правда твоя, Иванъ Тарасовичъ!—сказалъ онъ.— Чего на нихъ смотрѣть-то!.. Смали ребятушки, въ ближающихъ!.. Цѣлься хорошенько!.. Не торопись!.. Не выпускай даромъ зарядъ!..

Черезъ двѣ-три секунды раздались одинъ за другимъ четыре выстрѣла... Съ понтона и лодокъ послышались крики, стоны и ругательства на польскомъ языкѣ. Казаки ясно разсмотрѣли, что на понтонѣ упала лошадь и забилась въ предсмертныхъ судорогахъ, а два гребца перестали работать веслами и свалились. Въ ближайшей отъ него лодкѣ тоже произошло не малое замѣшательство.

— Ага! проклятые полячишки!—закричалъ Тарасовъ, торопливо заряжая ружье.

— А ты, Мавринъ, кажись, пропуделялъ, — сказалъ строго Кулешовъ. Я говорилъ: не торопись! Смотри, у другой разъ я тѣ за это ребра посчитаю... Такъ нельзи... Пулю надо беречь, нельзи за-дарма выпущать ее: она казенная... Заряжай, заряжай, ребятушки, живо!.. Живо, живо!.. Да смотри ты у меня, Мавринъ! Чтобъ на этотъ разъ безъ промаху.....

— Да я и то, Иванъ Тарасьевичъ, не промахнулся,— отвѣтилъ высокій бородатый казакъ, похожій на цыгана. Я въ лодку цѣлился... и такъ сдается мнѣ, что я тамъ не одного, а трехъ свалилъ...

— Ето онъ вѣрно сказываетъ,—поддержалъ Маврина Тарасовъ.

— Ну, ладно... Ну, что-жъ, готово что-ль? Зарядили, аль-нѣтъ еще?..

— Готово, готово!—отвѣтили сразу всѣ казаки.

— Ну, вотъ и хорошо... По моей командѣ стрѣляй!.. Вотъ, мы вамъ теперича пропишемъ, окаянные полячишки! — закричалъ Кулешовъ, наводя ружье.—Мы вамъ зададимъ, покеля вы до берега доберетесь... Мы васъ проучимъ за то, что лаетесь... Ишь, окаянные... «Пся кревъ» кричатъ... Сами вы псы смердящіе... Цѣлься въ гребцовъ! Цѣль хорошенько!

Между тѣмъ понтонъ быстро подвигался... Отъ берега отдѣляло его разстояніе не болѣе 50 шаговъ. За нимъ неслись лодки... Казаки уже различали лица нѣкоторыхъ непріятелей. Видно было даже, что многіе солдаты наводятъ на кусты ружья...

— Ну,—крикнулъ Кулешовъ—упреждаю!.. Пли!..

Какъ только по этой командѣ раздался залпъ изъ четырехъ ружей, всѣ шесть лодокъ и понтонъ опоясались сплошной линіей огня и казаки были осыпаны градомъ пуль.

— Ну, а теперь и буде!—сказалъ Кулешовъ.—Пора, братцы мои, и на утёкъ къ своимъ; а то, пожалуй, попятнаютъ насъ такъ, что и до коней не доберемся...

— И радъ бы уйтить, — сказалъ со стономъ Тарасовъ,—да не въ моготу: нога смерть какъ болитъ... Уго-

дили прокляты ляхи вокуратъ у тае мѣсто, гдѣ я былъ раненъ еще у Фридланда.

— Мавринъ! Александровъ!—крикнулъ Кулешовъ: берить скорѣй старика нашего!.. Да и гайда!..

Молодые казаки бросились къ Тарасову и подхватили его подъ-руки.

— О! хо-хо!—простоналъ бѣдный старикъ.—Бросьте меня, дѣтушки, да утикайте скорѣй,—проговорилъ онъ слабымъ голосомъ. Меня не спасете, а и сами занапрасно погибнете...

— Что вы его слушаете!—крикнулъ грозно Кулешовъ.—Берить скорѣй! Поляки уже у берега!..

Медлить, дѣйствительно, было нельзя: понтонъ и двѣ лодки причалили, солдаты быстро выскакивали изъ нихъ и бѣжали къ нашимъ героямъ съ ружьями на перевѣсъ. Гибель казаковъ казалась неизбѣжной. Но въ это время послышался съ нашей стороны конскій топотъ и страшный, душу потрясающій гикъ; на помощь первымъ защитникамъ родной земли изъ лѣсу вынесся въ разсыпную лихой полуэскадронъ съ своими храбрыми офицерами: штабсъ-ротмистромъ Василіемъ Матвѣевичемъ Жмуринымъ, поручиками Михаиломъ Михаиловичемъ Каменовымъ и Венедиктомъ Коньковымъ и корнетами Иваномъ Алексѣевичемъ Орловымъ *) и Степаномъ Степановичемъ Нико-

---

*) Впослѣдствіи Командиръ Л. Гв. Казачьяго полка. Былъ походнымъ атаманомъ казачьихъ полковъ при отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ и затѣмъ походнымъ атаманомъ Донскихъ полковъ.—Умеръ въ 1874 году, въ званіи Генералъ-Адъютанта. Сынъ сего Генералъ-Лейтенантъ Давидъ Ивановичъ командуетъ 1-й Донской дивизіей; а внукъ Иванъ Давидовичъ служитъ въ Л. Гв. Казачьемъ полку.

лаевымъ *). Поляки дрогнули и бросились назадъ къ лодкамъ.

По всей вѣроятности, всѣ, высадившіеся на правый берегъ, легли бы подъ ударами казачьихъ сабель и пикъ; но ихъ спасло прибытіе штабсъ-ротмистра Александра Николаевича Рубашкина **) и личнаго Адъютанта графа Орлова-Денисова, поручика Павла Степановича Хрещатицкаго ***), которые пріостановили атаку, сообщивъ Жмурину, что казакамъ приказано немедленно прекратить бой и отойти къ Жижморамъ. Подобравъ старика Тарасова и еще двухъ своихъ раненыхъ и захвативъ въ плѣнъ одного кавалериста и трехъ пѣхотинцевъ, казаки, отстрѣливаясь, отступили... По всему берегу вплоть до рѣки, гдѣ произошла стычка, валялось въ разныхъ положеніяхъ нѣсколько десятковъ непріятелей, изрубленныхъ и исколотыхъ казачьими пиками.

Польскіе уланы и пѣхотинцы, поддержанные вновь высадившимися товарищами, оправились и смѣло бросились впередъ за горстью нашихъ храбрецовъ; но быстрые кони Лейбъ-казаковъ были уже далеко... Занявъ, находившуюся близъ берега, жидовскую деревушку, въ которой ранѣе стоялъ полуэскадронъ Жмурина, непріятели расположились въ ней въ ожиданіи прибытія всего отряда, посланнаго Наполеономъ на лодкахъ.

---

*) Впослѣдствіи Командиръ Л. Гв. Казачьяго полка. Въ 1833 г. былъ назначенъ Начальникомъ Штаба войска Донского, оставаясь Командиромъ полка. Въ 1837 г. былъ назначенъ Наказнымъ Атаманомъ Кавказскаго линейнаго войска. Умеръ въ 1849 г.

**) Впослѣдствіи Командиръ Л. Гв. Атаманскаго полка.

***) Впослѣдствіи походный Атаманъ Донскихъ полковъ на Кавказѣ. Внукъ его Генералъ-Лейтенантъ Ростиславъ Александровичъ командуетъ нынѣ корпусомъ.

Между тѣмъ, въ это время, у лѣваго берега Нѣмана, работа кипѣла и послѣ полуночи наведенные мосты заколыхались подъ тяжестью грозныхъ полчищъ и сотой долѣ которыхъ не суждено было возвратиться на родину, увидѣть отеческій кровъ.

На разсвѣтѣ 12-го іюня, Наполеонъ вышелъ изъ палатки, раскинутой на горѣ Амксотъ и сталъ въ зрительную трубу осматривать окрестности. Войска, зная о присутствіи повелителя, искали его глазами; и когда находили на горѣ, обожаемаго ими, маленькаго полнаго человѣчка въ сѣромъ сюртукѣ, они бросали вверхъ шапки и восторженно привѣтствовали его, крича несмолкаемо, до хрипоты: «Ура!» и «Да здравствуетъ Императоръ!» На всѣхъ лицахъ солдатъ и офицеровъ было одно общее выраженіе безпредѣльной преданности къ своему Императору-полководцу, восторга радости о началѣ давно ожидаемаго похода въ Москву, откуда многіе надѣялись вернуться богачами и сдѣлаться чуть не владѣтельными князьями. О трудностяхъ и лишеніяхъ никому почти не приходило въ голову. «Мы идемъ въ Москву! Ура! Да здравствуетъ Императоръ! Ура, Императоръ!» не переставая кричали войска, забывшія въ эти минуты утомительные переходы, дожди и всѣ невзгоды длиннаго и тяжелаго похода къ Нѣману. Они не сводили глазъ съ своего обожаемаго вождя; а онъ, скрестивъ на груди руки, съ самодовольной улыбкой смотрѣлъ на выходившія изъ Вилковискаго лѣса безконечныя колонны свои, которыя, перестраиваясь у самаго берега рѣки, переходили по тремъ мостамъ, на ту сторону ея.

На слѣдующій день войска Наполеона двинулись впередъ, а 16-го іюня онъ уже торжественно вступалъ въ

Вильну, восторженно встрѣчаемый поляками и литовцами. Чрезъ мѣсяцъ, т. е. 16-го іюля, Наполеонъ занялъ Витебскъ; а еще чрезъ мѣсяцъ его авангардъ уже велъ бой съ нашимъ аррьергардомъ подъ Вязьмой. Войска наши отступали въ постоянномъ желаніи сразиться съ врагомъ на первой же удобной позиціи.

Наконецъ 17-го августа, въ Царѣво-Займище прибылъ вновь назначенный главнокомандующій всѣми силами, фельдмаршалъ Кутузовъ.

Армія отступила еще на два перехода и приняла бой за рѣкой Колочей, у села Бородина.

Это кровопролитное сраженіе, въ которомъ каждая сторона потеряла свыше 40,000 человѣкъ, было не рѣшительное. Французы, хотя и заняли наши укрѣпленія, но не считали себя побѣдителями, они ночью очистили занятыя ими съ боя позиціи и отступили за Колочу.

2-го сентября французы вступили въ Москву, а наша армія отступила по Рязанской дорогѣ. Дойдя 4-го сентября до Боровского моста и Кулакова, Кутузовъ свернулъ на Западъ и 9-го пришелъ къ Красной Пахрѣ на старой Калужской дорогѣ. 15-го онъ отступилъ къ Тарутину, гдѣ и простоялъ съ 20-го сентября по 6-е октября.

Наполеонъ же сидѣлъ до этого дня въ Москвѣ, ожидая заключенія міра

2691

III.

БЫСТРО пролетѣло грозное лѣто 1812 года. Наступила чудная, ясная и теплая осень. Въ послѣднихъ числахъ октября вдругъ забушевали холодные сѣверные вѣтры, посыпалъ снѣжокъ и покрылъ поля и луга многострадальной Святой Руси ослѣпительною пеленой... Начались по ночамъ легкіе заморозы, поднялись мятелицы... А тамъ застучалъ морозецъ и почти сразу установилась добрая русская зима.

Прошло три мѣсяца со времени вступленія „двунадесяти языковъ Наполеона“ въ Первопрестольную столицу нашу. По всему пути отъ Вязьмы на Смоленскъ и далѣе чрезъ Оршу, Студянку и Вильну по лѣсамъ, болотамъ и дорогамъ Бѣлоруссіи и Литвы валялись мертвые и умирающіе обитатели полуденной Европы.

Въ это время предводитель этихъ несчастныхъ, погубившій въ Россіи всю «Великую армію» свою, мчался по Польшѣ, спѣша въ свою столицу, чтобы собрать новыя войска для борьбы съ нами.

За жалкими остатками главной колонны непріятельской арміи, во главѣ преслѣдующихъ войскъ, погнались отъ Вильны казаки Платова и кавалерія Графа Орурка.

---

*) Начало см. вып. I журн. сего года.

Утро 2-го Декабря было тихое, морозное, съ падающимъ рѣдкимъ снѣгомъ.

Около 9-ти часовъ, двигавшіеся во главѣ войскъ, гнавшихъ французовъ, эскадронъ гвардейскихъ Донцовъ и черноморцы, только что вышедшіе изъ лѣсу на ровное поле, усѣянное мертвыми и замерзающими непріятелями, были остановлены около небольшой полуразрушенной деревушки, отстоявшей въ недальнемъ разстояніи отъ лѣсистаго праваго берега Нѣмана. Какъ только командовавшій этимъ дивизіономъ штабъ-офицеръ Лейбъ-Казачьяго полка — длиннобородый симпатичный блондинъ, выслушавъ переданное ему юнымъ есауломъ приказаніе, отвелъ казаковъ въ сторону съ дороги, шедшіе за нимъ части двинулись рысью. Вслѣдъ за другимъ дивизіономъ Лейбъ-казаковъ и армейскимъ донскимъ полкомъ прослѣдовали на полозкахъ восемь орудій. За ними вскорѣ изъ лѣска показались казаки въ высокихъ бараньихъ шапкахъ съ голубыми верхами и теплыхъ голубыхъ сильно потертыхъ и выцвѣтшихъ курткахъ, поверхъ которыхъ были накинуты бурки. Они двигались стройно крупной рысью въ колоннѣ по три держа пики на перевѣсъ. Всѣ они были какъ на подборъ— высокаго роста, длиннобородые, плотные, черноволосые красавцы. У каждаго за плечами висѣла длинная винтовка, на боку кривая сабля, а чрезъ плечо на ремнѣ нагайка

2688

Бѣгство Наполеона.

съ свинцовой пулей въ концѣ; за широкимъ патронташемъ краснаго сафьяна, опоясывавшимъ станъ и наполненнымъ спереди патронами, торчало по два пистолета. Впереди этихъ отборныхъ сыновъ «Тихаго Дона», на которыхъ и весело, и страшно было смотрѣть, несся согнувшись и размахивая нагайкой, на небольшомъ соловомъ дончукѣ средняго роста сухощавый, уже не молодой генералъ. Онъ былъ также какъ и казаки, шедшіе за нимъ, въ голубой теплой курткѣ и широченныхъ свѣтло-синихъ шароварахъ По его испещренному морщинами лицу скользила добродушная улыбка. Строго очерченныя черты и какая то черствость лицевыхъ мускуловъ свидѣтельствовали о томъ, что человѣкъ этотъ обладаетъ громадной силой воли и внутренней порывистостью. Взглядъ его засвѣтился какой-то дѣтской ясностью, когда онъ поровнялся съ выстроившимся сбоку дороги дивизіономъ, приготовившимся отдать ему честь.

— Здорово, славный Лейбъ-эскадронъ и молодцы Черноморцы!—крикнулъ онъ рѣзкимъ металлическимъ голосомъ, когда штабъ-офицеръ, скомандовавъ: «Смирно! Глаза направо! Пики въ руку! Господа офицеры!»—понесся къ нему на перерѣзъ, держа вынутую саблю подъ высь.

— Здравія желаемъ вашему сіятельству!—дружно и радостно отвѣтили казаки.

— Шагомъ!—скомандовалъ генералъ, повернувшись на сѣдлѣ къ полку. «Стоять вольно!»—обратился онъ опять къ дивизіону.—Смотри-же, ребятежь: драться отчаянно, скрутя голову! Чесаните ихъ, поджарыхъ, напослѣдокъ хорошенько!.

— Постараемся, ваше сіятельство!—гаркнули Лейбъ-казаки и Черноморцы.

— Вы все поняли, Протопоповъ, что вамъ передалъ Луковкинъ?—обратился генералъ къ полковнику.

— Такъ точно, ваше сіятельство...Только мнѣ сдается, что насъ слѣдовало-бы поставить ближе къ Ковнѣ...

— Ближе будутъ ваши-же и гусары графа Орурка... Съ ними у васъ будетъ связь... Я остановилъ васъ здѣсь по той причинѣ, что пунктъ сей есть тотъ, что, быть можетъ, по какимъ-либо обстоятельствамъ, должно будетъ и въ другую сторону принять... Ней можетъ кинуться и влѣво... Такъ въ этомъ случаѣ, если ретирада его будетъ въ эту сторону, то ужъ вы не проглядите и постарайтесь отхватить его отъ норы... Я ужъ на васъ полагаюсь, Иванъ Андреевичъ, что вы дѣльце обдѣлаете подъ орѣхъ... Если въ случаѣ онъ навалится на васъ большими колоннами, удерживайте всячески и ретируйтесь перестрѣлкой къ норѣ, а мнѣ заразъ дайте знать о семъ на короткѣ. Я поспѣшаю къ Ковнѣ и надѣюсь, съ Божьей помощью, быстро занять ее... Ну, а если буду перестрѣлкою и канонадою отраженъ, то двину въ обходъ справа моихъ Атаманцевъ и Иловайскаго... Тогда и вамъ дамъ знать... А вы и сами тутъ смотрите въ оба, чтобъ не дать маху... Сейчасъ пошлите на ту сторону разъѣздъ, осмотрите мѣстность и распорядитесь въ разсужденіи скораго преслѣдованія непріятеля... А остальнымъ людямъ дайте роздыхъ... Пусть хоть малость подкрѣпятся и обогрѣются!.. Ну, до свиданія, другъ мой! Смотрите-же!..

— Будьте покойны, ваше сіятельство!—отвѣтилъ Протопоповъ.

— Рысью, маршъ! —скомандовалъ генералъ и понесся, понгрывая нагайкой, по дорогѣ въ Ковно.

Это былъ идолъ Донцовъ, знаменитый атаманъ ихъ

Графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ. Едва онъ успѣлъ съ своими лихими Атаманцами*) пройти мимо остановленнаго дивизіона, какъ казаки послѣдняго спѣшились и часть ихъ съ громкимъ крикомъ и веселымъ смѣхомъ разсыпалась по деревушкѣ; и тотчасъ-же послышался стукъ топоровъ, трескъ ломающагося дерева, кудахтанье и крики встревоженныхъ куръ. Другая часть принялась оттаскивать въ сторону отъ мѣста, избраннаго для привала, мертвыхъ и умиравшихъ французовъ, валявшихся грудами въ разныхъ положеніяхъ по дорогѣ, краямъ ея, и по всему полю. Чрезъ нѣсколько минутъ по всему занятому дивизіономъ пространству, очищенному отъ труповъ, затрещали дрова, запылали громадные костры. Бородатые грозные Донцы и Черноморцы сновали туда и сюда, тащили изъ деревушки доски, плетни, солому содранную съ крышъ, а нѣкоторые несли куръ, индюковъ и гусей. Всюду слышенъ былъ громкій говоръ, хохотъ и стукъ сабель, разщеплявшихъ дерево. Почти надъ каждымъ костромъ висѣли котелки, въ которыхъ распускался и кипятился снѣгъ, разогрѣвалось сало съ сухарями, варилась плохо очищенная отъ перьевъ птица. Кругомъ были страшныя потрясающія картины бѣдствія человѣчества. Несчастные страдальцы съ отмороженными руками, ногами и лицами еле-еле ползали, словно гады, вокругъ опрокинутыхъ экипажей, телѣгъ, пушекъ, зарядныхъ и пороховыхъ ящиковъ, по конскимъ и человѣческимъ трупамъ... Иные изъ нихъ мутными, безсмысленными глазами смотрѣли по сторонамъ и молча глодали лошадиныя кости; другіе, ва-

*) Въ это время въ Атаманскомъ полку выступившемъ съ Дона въ тысячномъ составѣ, оставалось только около 150 казаковъ.

ляясь на ободранной падали, сосали изъ нея кровь, рвали мясо, пожирали его и умирали въ ужасныхъ мученіяхъ, стискивая зубами собственныя руки, или комъ земли, смѣшанный съ снѣгомъ, или оледенѣвшій кусокъ конскаго кала; третьи же совсѣмъ потерявшіе отъ холода, голода и страха разсудокъ, грызли своихъ товарищей, въ которыхъ иногда тлѣла еще искра жизни, не давали имъ времени

2692

испустить духъ, и съ видомъ осклабляющагося удовольствія рѣзали ихъ, взламывали черепа, пожирали куски теплаго мяса, и съ жадностью глотали еще горячіе мозги Стоны, вздохи визгъ, скрежетъ зубовъ страдальцевъ, н·· слись со всѣхъ сторонъ. Мольбы о помощи и крики слыв ны были на всѣхъ европейскихъ языкахъ. И вдругъ среди этого ада раздавались то побѣдные клики, то страшные вопли, то горестный плачъ, то адскій смѣхъ людей, потерявшихъ человѣческій образъ и послѣднюю силу разума.

Многіе изъ этихъ несчастныхъ, полунагіе, зарывались въ горячій пепелъ, обжигали все тѣло и съ безсильными воплями оканчивали земное страданіе. Видъ покойниковъ былъ ужасенъ: нѣкоторые лежали съ протянутыми къ небу руками, вѣроятно, для молитвы, другіе, прислонившись къ трупамъ, стояли со скрещенными руками на колѣняхъ въ положеніи молящихся, третьи лежали съ сжатыми кулаками и съ видомъ полнаго отчаянія, угрозы и злобы. «Въ этомъ ужасномъ бѣдствіи человѣчества, которое такъ страшно страдало, невозможно было не улыбнуться на костюмы нѣкоторыхъ изъ жертвъ Наполеона» пишетъ одинъ изъ очевидцевъ. «Это былъ настоящій маскарадъ: усачи гренадеры были наряжены въ женскіе салопы, платья и чепчики, въ священническія ризы, въ расшитые золотомъ мундиры камергеровъ; большинство же было въ короткихъ обтрепанныхъ отвратительныхъ рубищахъ, въ полотняныхъ панталонахъ и жилетахъ и имѣло видъ жалкихъ нищихъ»...

— Ну и стоянка же досталась намъ! — воскликнулъ старый бородатый Лейбъ-казакъ, свалившій громадную охапку сухого хворосту и досокъ около только что очищеннаго отъ труповъ, тлѣвшагося костра. «Хороша... нечего сказать!..» Такъ еще не приходилось ни разу—съ самаго Тарутина... Ажъ страшно смотрѣть по сторонамъ... Вали-вали ребятушки сюда,—продолжалъ онъ, — обратившись къ подходившимъ съ запасомъ топлива, тремъ казакамъ.

— Тутъ-то еще что, дѣдушка,—сказалъ молодой высокій бѣлокурый казакъ.—Вы гляньте, что въ томъ концѣ слободы, гдѣ церковь... Страсти Господни!.. По улицѣ прямо-таки пройти никакъ невозможно: все до чиста за-

валено французами... Какихъ только я тамъ страховъ не наглядѣлся!.. У самой паперти, гляжу, сидятъ около костра три полумертвыхъ француза, вырѣзываютъ это у своего же товарища, еще живого, изъ бедра куски мяса, жарятъ ихъ на шомполахъ, посыпаютъ порохомъ и жрутъ... А тутъ же рядышкомъ около нихъ лежитъ какая-то молодая баба съ махонькимъ ребеночкомъ... У ребеночка-то ручка отрѣзана, а бабу грызетъ страшенный французъ въ медвѣжьей шапкѣ... А около тына, гляжу, лежитъ дохлый конь и изъ пуза его торчатъ, будто, человѣчьи ноги... Что за диво?—думаю... Подошелъ ближе... Гляжу: и точно ноги... Взялся я за нихъ, да и вытянулъ бусурмана... Махонькій такой... тощій.. совсѣмъ еще мальчишка... Весь въ сукровицѣ... и въ зубахъ крѣпко зажалъ человѣчью ручку... Должно у того ребеночка отрѣзалъ... Это онъ, значитъ, распоролъ пузо коню, вытащилъ всѣ потроха, да и залѣзъ въ середку, чтобы мало-мало обогрѣться и закусить. Да тамъ и замеръ. Ну и нашихъ же тамъ солдатишекъ не мало валяется и всѣ съ разбитыми головами. И около ихъ лежатъ окаянные... мозги лижутъ и сосутъ. Такъ надо думать, что это плѣнные. Тащили-тащили окаянные ихъ за собой, да тутъ и прикончили... Хаты почти всѣ завалены французами. Зашелъ я въ одну; думалъ что нибудь въ печи найти. Подошелъ это къ ней, да такъ и отскочилъ: три здоровенныхъ француза лежатъ тамъ. Тоже, должно, хотѣли погрѣться, да и задохлись. По всей хатѣ на полу все мертвые и около нихъ большія медвѣжьи шапки. Все гвардейцы, должно. А что у корчмы ихъ валяется!.. Страсть! Видно, корчма загорѣлась, да и рухнула. Человѣкъ, пожалуй, поболѣ ста подъ бломками. А что въ самой церкви-то!.. Страсти Господни!

Образа ободраны... разбросаны. Священные сосуды валяются, загаженные окаянными бусурманами. Святые дары разлиты по полу...

— Вотъ за это-то самое и покаралъ ихъ Господь,— сказалъ старикъ, старательно раздувавшій, тлѣвшіяся на угольяхъ, щепки.—Злодѣи безпутные!.. Ихъ и совѣсть не мучитъ за все, что сдѣлали они, окаянные басурманы, въ Россіи. Имъ хотится еще преступнѣе быть предъ Господомъ. Да и что ждать-то можно было отъ такихъ людишекъ, у коихъ ни вѣры, ничего святого нѣту!

— Ну, и камедные же изъ нихъ есть! — перебилъ бѣлокурый казакъ. Вхожу это я въ одну хату и вижу: сидятъ двое на кучѣ мертвыхъ. Я чуть не прыснулъ со смѣху. Ей-ей! Одинъ нарядился совсѣмъ, какъ есть, бабой: юбка, это, на немъ, кофта какая-то и повойникъ на головѣ. А другой вырядился священникомъ: и подрясникъ и риза на немъ. Все какъ слѣдуетъ быть. И что-же вы думаете они дѣлаютъ?.. Сидятъ это, и на спинѣ у мертваго въ карты рѣжутся! Ей-ей! Да гомонятъ что-то. Такъ видно, что ругаются... И все червонцы отсчитываютъ... Какъ услыхали мои шаги, оглянулись и заразъ червонцы попрятали въ карманы... Поглядываютъ на меня и какъ будто ухмыляются... Вѣдь, поди-жъ ты: жрать нечего... съ голоду мрутъ, а еще въ карты играютъ! Чудной народъ, право... И хоть бы шелохнулись!.. Ни-ни! А тутъ же и ружья ихъ лежатъ...

— Это они, должно, тогда у Вильны казну своего императора пощипали немного,—сказалъ старикъ,—у Панарской горы... пока мы еще не подошли...

— А что, дѣдушка,—спросилъ бѣлокурый казакъ,— и нашимъ братьямъ, сказывали станичники, перепало тогда не мало... правда аль-нѣтъ?..

— Перепало-то, перепало... Только малость... Деньги ужъ мало оставалось... Все больше какія-то баночки, да скляночки съ чѣмъ-то пахучимъ... Сказывали, что это Муратова повозка была... Ну, и намазались же наши братья тогда... Ажъ по сю пору отъ всего полка такъ и разитъ...

— Сказывали, дѣдушка, что и машинку какую-то нашли, которой деньги дѣлаютъ?..

— Нашли и машинку... Вѣрно... Это та самая, коей Наполеонъ наши рассейскія деньги самъ дѣлалъ, да и платилъ ими нашимъ глупымъ мужикамъ... Ну, однако, ребятежь, нечего намъ лясы-то точить... Мѣшкать нельзя... Давайте-ка скорѣй разведемъ огонекъ, обогрѣемся малость, зададимъ корму лошадкамъ, да и подкрѣпимся чѣмъ Богъ послалъ... Тащите, братчики-односумы, что у кого есть... А ето у тебя что же, Болдыревъ, подъ мышкой—а?—обратился старикъ къ бѣлобрысому казаку.—Кажись кура?

— Эта французинка, Иванъ Тарасьевичъ,—отвѣтилъ, смѣясь, Болдыревъ и выказалъ рядъ чудныхъ, бѣлыхъ зубовъ.

— Французинка? И что мелитъ-то... Французинка!..

— Право, дѣдушка, французинка... Она измѣнница... У французское подданство перешла... Я эту самую хохлатку помню еще съ таей поры, кады мы издѣся лѣтомъ стояли... кады уся сила Палевонтія была на энтой сторонѣ...

— Да рази-жъ мы издѣся стояли тады? Вотъ чудакъ-то...

— А какже, дѣдушка!.. Издѣся... Въ стой слободкѣ и сколько разовъ бывалъ и оченно хорошо помню эту самую хохлатку... Вотъ потому и говорю, что она французинка... Почитай-что съ полгода кормила своими яйцами французовъ...

— А, вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ!—воскликнулъ Тарасовъ, оглядываясь по сторонамъ. Я до разу и не призналъ это мѣсто... Такъ-такъ... Вонъ тамотко, должно, и Понѣ-

мунь,—продолжалъ старикъ, указывая рукой вправо на виднѣвшійся вдали, возвышенный берегъ Нѣмана.—Вѣрно, братъ, вѣрно.. Ай, да, Болдыревъ... Молодчина!.. Ну, одначе, француэинка она, аль нѣтъ, сто намъ все един-

ственно; а мы ее заразъ сваримъ... Скуби ее, Ляксандровъ! Ставь котелокъ... Засыпь крупицы малость... А ты, Мавринъ, задай корму конямъ, да клади сухари въ котелокъ, идѣ сало...

— А и не хотѣлось же ей въ казачій котелокъ залѣзать!—продолжалъ острить Болдыревъ.—Больно не хотѣлось... Ловко изворачивалась шельма! Насилу у троемъ управились съ нею... Видно, бывалая...

— Ну, живо, живо, дѣтушки, управляйтесь... А то, того и гляди, нашъ Матвѣй Ивановичъ сцѣпится съ французомъ у Ковны, да и не дастъ намъ похлебать горяченькаго... Ишь, какъ шибко побѣгъ туда... А вѣдь, отселя, значитъ, до ее и не далече... Не болѣ, какъ версты три-четыре...

— Едва ли, дѣдушка, онъ съ ними скоро сцѣпится,—сказалъ Болдыревъ...—Должно, будетъ поджидать, покеля подойдутъ гусары, да и тѣ полки, что обходной дорогой пошли... Тутъ у Ковны, должно, уся вражья сила собралась...

— Нашелъ таковскаго, что будетъ ждать остальныхъ полковъ... Точно не знаешь его... Что ему сила ихняя?.. Тьфу! Ему усе, батюшкѣ, нипочемъ... Хуть ты супротивъ его сотъ нѣсколько пушекъ выставь, али цѣлую армію—онъ себѣ только посмѣивается, да нагаечкой помахиваетъ... Что больше сила вражья, то веселѣй ему... Вонъ, Атаманцы сказывали, какъ онъ даве у Бородина повелъ ихъ супротивъ Палевонтія... «Много ихъ у тылу на изготовкѣ стоятъ», доносятъ изъ разъѣздовъ: «сила несмѣтная»... «Ничего,—говоритъ,—дѣтушки, не бойсь: разнесемъ»... Ну и разнесъ... Если бы тады не приказалъ Свѣтлѣющій уйти ему и нашему графу назадъ, плохо бы пришлось

Наполеону... Не видать бы ему тады Москвы-Матушки, какъ своихъ ушей... Такъ, вѣдь, тады и сила же у ево была!.. А теперь что? Тьфу! Вонъ всѣ они почти такіе, какъ издѣся по сторонамъ валяются... Дрянь одна полудохлая... Однимъ махомъ онъ ихъ разнесетъ...

— Ну, да-й злякалысь же воны тоди, бісовы диты, якъ мы далбанули ихъ у Беззубови по потылыцѣ!—вмѣшался подошедшій высокій бородачъ-черноморецъ.—Такого жару мы имъ задали, що воны за перемаку ні якъ очухаться ні могутъ ось по сю пору... Такъ усе тикаютъ, да тикаютъ, да усе кидаютъ по дорози...

— Ай да хохолъ! — воскликнулъ Тарасовъ, посмѣиваясь и подмигивая односумамъ.—Онъ намъ до разу усе растолковавъ... А мы, дурни, и не знали того, что Палевонтія мы же и покорили у Бородина. Эхъ, ты, хохолъ, хохолъ!..

Казаки загоготали.

— То-то хохолъ!—сказалъ обиженнымъ тономъ черноморецъ.—А вы якъ же думали? Эхъ, вы, казачишки!..

Послѣдовалъ новый взрывъ смѣха.

— Ну, якого-жъ вы біса зубы скалиты? Я вамъ кажу то, що за вірное знаю... Я чуялъ, якъ генералъ Ермоловъ сказывалъ, що хранцузы у Бородини разшиблись объ насъ... Не наче, що такъ и есть...

— Ты чуялъ, — сказалъ Тарасовъ, — а и мы тоже чуяли, що винъ сказывалъ... Тілько, вішъ, мы дурни, не такъ поняли, якъ вы...

— А, щожъ вінъ по вашему сказовавъ?

А, вотъ заразъ я тоби, хохолъ, разскажу..

— Ну-ну... Послухаемо...

— Послухай, братику, послухай... Даве, какъ былъ я посланъ до его, такъ усе до чиста слыхалъ, що вінъ

сказывалъ нашему графу Матвѣю Ивановичу... Я у сосѣдней горницѣ сидѣлъ... Перегородочка тонесенькая была: все было слышно... Палевонтія, сказывалъ онъ, таперича и узнать нельзи... Совсѣмъ, говоритъ, — не тотъ онъ, что упередъ былъ... Таперича онъ, говоритъ, ну, словно разсудка лишился совсѣмъ... Ну, ровно, обалдѣлъ... Усякій, говоритъ, даже самый ледащій генералъ лучше бы его распорядился... А онъ прямо какъ бы на погибель велъ своихъ французовъ... Остановись, говоритъ, онъ у Вильны, али у Витебска до весны, ну, тады трудно и даже, говоритъ, никакъ бы невозможно было намъ съ имъ управиться... А онъ, на-поди, попёръ и поперъ, не запасшись ничѣмъ, ажъ до самой Бѣлокаменной... Да думалъ, дурень, что Царь нашъ будетъ у его замиреніе просить... Прямо таки, говоритъ, обалдѣлъ... совсѣмъ послѣдній умъ потерялъ... Сидѣлъ, говоритъ, на пожарищѣ московскомъ, голодалъ и все ждалъ замиренія, покеля наши казачата, да мужики не приперли его со всѣхъ сторонъ... Тады, говоритъ, только и схватился онъ за умъ, да и давай утекать къ Калугѣ, кады графъ Орловъ-Денисовъ всыпалъ его Мурату у Тарутина... Ну, да ужъ поздно было... Сцѣпился съ нами у Ярославца, да какъ смекнулъ, что никакъ не пробиться ему къ Калугѣ, онъ и свернулъ опять на таю же знакомую дорожку, идѣ все до чиста было упередъ его же солдатиками сожжено и пограблено... Вотъ тутъ-то и пришелъ ему карачунъ, значитъ... Почали кажинный день падать кони и умирать люди у его съ голодухи тысячами... Ну, а тутъ и мы стали налетать на нихъ, то съ ентой, то съ таей стороны, то съ тыла... Вотъ и пришелъ имъ конецъ... Куды ни сунутся у сторону, чтобы чего-нибудь раздобыть, а

вездѣ мы бьемъ и бьемъ!.. Покеля добѣгъ до Березины, почитай что болѣ половины варміи растерялъ... Да у самой Березины, идѣ мосты наводилъ, тысящь 25-ть, сказываетъ генералъ Ермоловъ, онъ загубилъ на обѣихъ сторонахъ рѣки... Ну, да еще, говоритъ, его счастье, что у Березины сторожилъ его морской генералъ, а не настоящій... Чижиковъ какой-сь-то... Ну, извѣстно, идѣ же ему было устеречь Палевонтія... Развѣ могетъ, сказывалъ генералъ, щука поймать крысу?.. Никакъ не могетъ... Скорѣй сама безъ хвоста останется... Ну вотъ такъ и тутъ случилось... Упустилъ этотъ самый Чижиковъ Палевонтія, да тады только и понялъ, что тутъ куды труднѣй, чѣмъ на кіянѣ-морѣ съ кораблями управляться... Да... жалко... Оченно жалко... Сторожь его другой какой ни на-есть, хоть и ледащій, но только, значитъ, сухопутственный генералъ, ни въ жисть бы не уйтить Палевонтію... Тутъ бы и ему и усей варміи его и была бы крышка... А теперь, наподи, сколько еще народу-то надо будетъ положить, покеля поймаемъ его, окаяннаго!.. Опъ теперь, гляди, чрезъ мѣсяцъ, аль два новую силищу на насъ поведетъ... Вотъ какъ, братцы мои... Да... А что, говоритъ, онъ зарвалси до Москвы, то въ етомъ виновны наши генералы... Особливо Багратіонъ... Не хотѣлось ему, вишь, стать подъ начальство нѣмца Барклаева... Вотъ онъ нарочито и не соединялси до Смоленска съ нимъ... А, говоритъ, соединись они раньше, безпримѣнно битва была бы, а затѣмъ и крышка намъ... Вотъ какъ Богъ-то все устроилъ, дѣтушки мои... Какъ не сказать, что Онъ одинъ спасъ Матушку-Россію? Какъ не видѣть въ этомъ великомъ дѣлѣ Руку Милосерднаго Создателя. Онъ послалъ тяжелое испытаніе... Онъ же и помогъ покорить отступника отъ вѣры христіанской, осквернителя храмовъ Божіихъ.

— Вѣдь поди-жъ ты, какъ вышло-то!—воскликнулъ Болдыревъ. — Они... генералы-то, значитъ, думали, что хуже дѣлаютъ, анъ оно вышло-то къ лучшему...

— Вѣрно... вѣрно, сынокъ!.. Вышло къ лучшему... Вышло-то то самое, что только одно и могло ко спасенію привести... Вотъ какъ, ребятушки! Да-да... Великъ Богъ земли Русской! Кто бы могъ упередъ сказать, что етимъ кончится? Одинъ только нашъ батюшка, отецъ Василій, предугадалъ ето самое... Прямо таки чудо Господь совершилъ... Возблагодаримъ же, дѣтушки, Милосерднаго Создателя,—сказалъ старикъ, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ; и крупныя благодарныя слезы полились по его прекрасному лицу, попорченному нѣсколькими шрамами.

Вдругъ вправо раздался пушечный выстрѣлъ.

— А, что, сынокъ!—обратился старикъ Тарасовъ къ Болдыреву. — Я тебѣ говорилъ, что не таковскій нашъ Матвѣй Ивановичъ, чтобы сталъ ждать, покеля усѣ полки соберутся къ Ковнѣ... Вотъ оно на мое и вышло...

— Да то, мабудь, не Матвій Ивановычъ, а хранцузъ съ своихъ гарматъ палитъ!—сказалъ бородачъ-черноморецъ.

— Французъ, али наши выпалили, ето все единственно!—сказалъ старикъ.—А только подкрѣпиться, какъ видно, намъ и не придется...

Тарасовъ не ошибся. Едва онъ успѣлъ сказать послѣднее слово, какъ раздался орудійный залпъ и тотчасъ же вслѣдъ за нимъ, сливаясь и перебивая одинъ другой, послѣдовали одиночные выстрѣлы.

— Вотъ, окаянные бусурмане! И поисты даже ни далы!—огрызнулся черноморецъ и поспѣшно направился къ своей части, гдѣ уже все пришло въ движеніе: казаки

быстро убирали котелки, укладывали сумы, зануздывали лошадей, подтягивали подпруги.

— Швытче-швытче, хлопцы!—покрикивалъ на своихъ бородачей-черноморцевъ лихой штабсъ-ротмистръ Мазуренко, типичный хохолъ съ длинными висящими внизъ усами.— Що вы тамъ, бісовы диты, копаетесь! Швытче! Я-жъ васъ упреждавъ, щобъ ни разбирались! Я-жъ вамъ казавъ, що намъ треба заразъ на ту сторону рички ыдти!..

— Лейбъ-эскадронъ къ конямъ!—послышалась громкая и звонкая команда полковника Протопопова, прискакавшаго къ дивизіону съ вахмистромъ со стороны Понѣмуни, гдѣ онъ только что успѣлъ выставить наблюдательный постъ.—Живо, живо, ребятежь! Выворачивай котелки! Некогда теперь закусывать!.. Сейчасъ должно быть тронемся! Живо! Вонъ, кажется, уже кто-то скачетъ сюда отъ Ковны?—сказалъ онъ, обратившись къ вахмистру.

— Это, ваше высокоблагородіе, кажись, есаулъ Луковкинъ... Должно за нами..

Между тѣмъ, канонада около Ковны все болѣе и болѣе разгоралась. То дружные залпы, то одиночные выстрѣлы слѣдовали одинъ за другимъ. Не прошло и четверти часа съ момента перваго выстрѣла, какъ дивизіонъ уже выстроился и двинулся, по указанію присланнаго отъ Платова офицера, къ Понѣмуни.

2694

IV.

РАФЪ Платовъ, встрѣченный пальбою изъ 20-ти орудій, началъ отвѣчать французамъ изъ своихъ, везомыхъ на полозкахъ, и немедленно, желая заставить непріятеля очистить городъ, послалъ приказаніе своимъ донцамъ перейти Нѣманъ выше и ниже Ковно. За казаками двинулись и гусары графа Орурка.

Замѣтивъ это, непріятель зажегъ магазины и побѣжалъ изъ города. Часть французовъ была исколота казаками и взята въ плѣнъ, а другая (около 1,000 вооруженныхъ и не болѣе 20,000 безоружныхъ), разсѣянная донцами, побѣжала дальше къ Тильзиту и Вилковиску... Такъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ славные лейбъ-казаки дали первый выстрѣлъ по непріятелю, вторгнувшемуся въ ночь съ 11-го на 12-е іюня въ предѣлы наши, они же добили остатки грозныхъ полчищъ Наполеона и пустили вслѣдъ жалкимъ бѣглецамъ послѣдній зарядъ...

Торжественное побѣдное и безконечное «ура» долго гремѣло въ этотъ день на берегахъ Нѣмана, по полямъ, лугамъ и лѣсамъ, вокругъ Ковны. Такое «ура» раздавалось и у мѣстечка Понѣмуни, около котораго лейбъ-казаки, атаманцы и гусары имѣли жаркую схватку съ французами. «Ура» неслось и среди столпившихся обозовъ, около которыхъ, между массами, потерявшихъ человѣческій обликъ непріятелей, покрытыхъ лохмотьями, лежали раненые въ послѣдней стычкѣ

донцы и кавалеристы. Умирающіе и тѣ силились приподняться и хриплыми слабыми возгласами выражали свою радость по случаю окончанія этого тяжелаго похода. Христосъ Воскресъ для этихъ людей!..

— Ура!— слабымъ голосомъ вскрикнулъ и старый бородатый казакъ, лежавшій на окровавленномъ снѣгу вблизи мѣстечка Понѣмунь, рядомъ съ изрубленнымъ непріятельскимъ гвардейцемъ.

— Вотъ такъ-то, дѣтушки и хотѣлось мнѣ всегда помереть!— сказалъ онъ, обратившись къ окружавшимъ его тремъ молодымъ казакамъ.—Благодарю Создателя!

— Что вы, дѣдушка, говорите!—воскликнулъ, всхлипывая, юный бѣлокурый голубоглазый казачекъ, которому на видъ нельзя было дать больше пятнадцати лѣтъ. — Какъ можно вамъ умирать? На кого же вы меня и Николу оставите?... Сейчасъ пріѣдетъ докторъ... Мавринъ и Александровъ поскакали искать его... Богъ дастъ, поправитесь..

— Нѣтъ, внуки мои милые,—сказалъ слабымъ голосомъ старикъ,—ужъ не подняться мнѣ... Чувствую я ето... Докторъ мнѣ не могетъ помочь... Да... и пора костямъ на покой: шастой десятокъ сегодня сполняется мнѣ... Буде... О-о-о!—простоналъ старикъ.—Тяжко!.. Придвиньтесь ко мнѣ... Сядь ты здѣсь, Никола, а ты Серега, зайди съ таей стороны... И ты Болдыревъ присядь поближе... Благословить хочу...

Казаки исполнили желаніе старика: всѣ опустились около него на колѣни.

— Вотъ, такъ, хорошо, дѣтушки... Дайте ваши руки... Ты Никола,— обратился старикъ къ такому же юному черномазому казачку,—постарше Сереги на два годочка: такъ будь ему за мѣсто отца... Охраняй его въ походѣ...

— Въ какомъ же походѣ дѣдушка? — проговорилъ сквозь слезы казачекъ. —Теперича усе кончено. надо думать...

— Нѣтъ, родной мой, не кончено еще. Кончено было бы, если-бъ Палевонтій не убегъ... А теперича вы безпримѣнно пойдете далѣ, покеля онъ не свалится совсѣмъ... А свалится онъ безпримѣнно!.. Вспомните тады меня!..

Помнишь, Болдыревъ, какъ мы съ тобой стояли вонъ тамъ насупротивъ Понѣмуни? Я тебѣ тады еще говорилъ, что покараетъ Господь Полевонтія за его ненасытную гордыню...

— Какже... какже, дѣдушка, Иванъ Тарасьевичъ, помню...

— Ну, вотъ, видишь... Вотъ оно и исполнилось то самое, что мнѣ отецъ Василій говорилъ... Да-да... Великъ Богъ земли Русской. Кто бы могъ упередъ сказать, что

этимъ кончится? Прямо таки чудо Господь совершилъ. Ну, теперича давайте же и простимся, дѣтушки!—проговорилъ старикъ, пристанывая.

— Да что вы родной нашъ!—воскликнули оба внука Ивана Тарасьевича и съ рыданіями припали къ нему на грудь.—Не умрете вы! Сейчасъ докторъ...

— Чувствую, дѣтки мои милые, что сейчасъ конецъ будетъ,—слабымъ голосомъ проговорилъ старикъ. — Ужъ больно глубоко засадилъ онъ мнѣ окаянный штыкъ въ пузо... Если-бъ вы не прискакали на подмогу и не искрошили его, онъ бы меня совсѣмъ до-разу прикончилъ... О-о-о! Никола!—вскрикнулъ страдалецъ.

— Что дѣдушка?

Не забудь же кресты мои, и Егорія, и прусскій, и Анну, и медали отправить бабкѣ... А образки, что на шеѣ у меня, подѣли съ Серегой... А всѣ деньги отдай въ церковь нашу... Заройте меня здѣсь же... Ну, да сохранитъ васъ Господь... Милосердный... Служите Батюшкѣ-Царю вѣрой и правдой... Памятуйте слова святой присяги... —Старикъ перекрестилъ всѣхъ казаковъ, поцѣловалъ ихъ трижды и тотчасъ же впалъ въ забытье. Чрезъ минуту чистая душа его отошла ко Господу и надъ бездыханнымъ трупомъ его раздались безутѣшныя глухія рыданія его внуковъ и казака Болдырева....

Наполеонъ, ускользнувшій изъ рукъ казаковъ, быстро собралъ новыя громадныя силы для борьбы съ Россіей; но съ этого времени началась уже агонія его власти. Предсказаніе старика Ивана Тарасьевича сбылось: въ 1815 г. Наполеонъ палъ. И паденіе его было великое!

Не отнимая достойной славы ни у Кутузова, ни у Барклая, ни вообще у всего храбраго русскаго воинства

и самоотверженнаго народа, можемъ смѣло и безошибочно сказать, что спасеніемъ своимъ Отечество наше обязано только Господу Богу, по Волѣ Котораго, въ эту кампанію, Наполеонъ, точно потерявшій послѣднюю силу разума, не выказалъ ни того генія, ни тѣхъ талантовъ, ни той дѣятельности, которые подняли его такъ высоко въ предыдущихъ войнахъ, но бывалъ очень часто не только гораздо ниже прежняго Бонапарта, но даже ниже самаго зауряднаго генерала;—по Волѣ Котораго, всѣ неурядицы и интриги въ нашей арміи привели только къ тому, что одно могло спасти Россію, т. е. къ завлеченію Наполеона въ глубь страны. Только Одному Господу Богу Императоръ Александръ Благословенный, по окончаніи войны, отнесъ смиренно, въ чистѣйшемъ умиленіи, всѣ побѣды; и въ ознаменованіе благодарности заложилъ въ Первопрестольной столицѣ храмъ во Имя Христа Спасителя.

2687 Наполеонъ.

Повергнемся и мы предъ Святымъ Его Престоломъ, возблагодаримъ за спасеніе нашего отечества, дадимъ обѣтъ быть всегда кроткими и смиренными исполнителями законовъ и Воли Его; и обратимся къ Нему съ теплыми молитвами, да продлитъ свою милость надъ нами и ниспошлетъ намъ и Надежѣ нашей—Благочестивому Государю Императору Николаю Александровичу побѣду-побѣдъ—миръ и тишину.

Гос. Музей [illegible] РСФСР
Инв. № 193 г.